
Мы дошли до Берлина, расквитались с войной...

[Администратор](#) - 09 мая 2017

Body

Стихи советских поэтов ко Дню Победы

Александр ТВАРДОВСКИЙ **9 мая**

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнём попрала мощь огня.

Салют её большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Её бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым,—
Салют!

И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,
Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.

Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,
С кем пыль глотал в страде походной

И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдёт во мглу времён,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь.

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла ещё война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Ещё тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

И не вложить вам миру в уши
Враньём речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин.

Кто городов и сёл руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идёт в строю.

И с неизменною отвагой
В труде, обязанном уму,
Творить свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь,
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведаль,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь неё провозгласил.

Сергей ВИКУЛОВ

Парад Победы

Такое Площадь знала лишь однажды,
Однажды только видела Земля:
Солдаты волокли знамёна вражьи,
Чтоб бросить их к подножию Кремля.

Они, свисая, пыль мели с брусчатки.
А воины, в сиянии погон,
Все били, били в чёрные их складки
Надраенным кирзовым сапогом.

Молчала Площадь. Только барабаны
Гремели. И ещё — шаги, шаги...
Вот что такое русские Иваны —
Взгляните и запомните, враги!

Вы в них стреляли?
Да, вы в них стреляли!
И жгли в печах?
Да, вы их жгли в печах!
Да только зря: они не умирали,
Лишь молний прибавлялось в их очах!

«На-а-пра-во!» — и с размаху о брусчатку
И свастику, и хищного орла.
Вот так! России бросили перчатку —
Россия ту перчатку подняла!

И видели, кто был в тот день в столице,
На Площади: она, лицом строга,
Подняв венец
и меч зажав в деснице,
Прошла по стягам брошенным врага!

Петрусь БРОВКА

Фронтовые дороги

Перевод с белорусского П. Хелемского

Фронтовые дороги,
Грозные года...
Ощущенье тревоги
Не забыть никогда.

Дым и едкий, и горький,
Стали рвущейся гром.
Смерть на каждом пригорке,
Смерть под каждым кустом.

Не страшились мы смерти.

Путь, что пройден во мгле,
След оставил на сердце,
Словно танк на земле.

Стёрты до крови ноги,
Час привала далёк.
Фронтовые дороги,
Стук солдатских сапог.

Дух махорки и пота
На шляхах полевых,
На тропинках, болотах,
Средь завалов лесных.

Дождь осколочный с ветром,
Опалённая высь.
Да, войны километры
Нелегко нам дались!

Потеряли мы многих
Побратимов своих.
Фронтовые дороги,
Вы запомнили их.

Сняты шапки и каски,
Гром салюта суров.
Над могилою братской
Шорох вечных дубов.

Знают наши шинели,
Что пробиты не раз,
Как спешили мы к цели —
Мщенье двигало нас.

Мы, в стремленье едины,
Долг исполнили свой.
Мы дошли до Берлина,
Расквитались с войной.

Микола АВРАМЧИК
Баллада об освобождённом поэте

Перевод с белорусского В. Тушновой

Есть в белорусской пуще полустанок...
В густой листве по веснам тонет он,
Здесь партизаны как-то спозаранок
Фашистский захватили эшелон,
И в партизанском лагере зеленом
Рассказывал потом в кругу друзей
Разведчик,
Как, шагая по вагонам.
Наткнулся вдруг на пушкинский музей.
Архивы писем, груды книг старинных,

Тугие кипы выцветших газет
И, скрытый между них наполовину,
С горячим взглядом
Бронзовый поэт.
— Вот подлецы! —
Воскликнул парень с болью,
Подняв листок исписанный с земли. —
Подумать только,
Пушкина в неволю,
На каторгу фашистскую везли! —
И, торопясь укрыться до рассвета,
Отряд усталый двинулся в леса,
И, словно слезы,
По щекам поэта
Катилась тихо светлая роса,
Заботливо укутан в плащ-палатку,
Он на охапке вереска сухой
Лежал в тени, вдыхая запах сладкий
Лесных цветов
И горький запах хвой.
Меж партизан росла поэта слава:
Они заучивали
До строки
Стихи о том, как предки под Полтавой
Громили иноземные полки.
А по ночам мосты летели в речки,
Под насыпи катились поезда,
И был фашистский гарнизон в местечке
Однажды уничтожен без следа.
Когда промчалась весть в бору зеленом
О том, что час победный наш настал,
Поэт великий в городке районном
Торжественно взошел на пьедестал.
Теперь дубы, на скромный вереск глядя,
Рассказывают были в тишине
О том, что Пушкин жил в лесном отряде
И с хлопцами сражался наравне!

Микола ШПАК
Желание

Перевод с украинского Е. Благиной

Ты так хотела сына,
Чтоб вылитый был — я,
Родная моя Зина,
Любимая моя!

Хотела и боялась
Неведомо чего...
И не сбылось, не случилось
Нет у тебя его!

А то бы рос, пригожий,

Повадкой и лицом
На удивленье схожий
Со мной — своим отцом.

Носил бы мое имя,
Мои бы песни пел —
Те самые, какими
Я славить жизнь умел.

Я в братской буду, Зина,
Лежать среди осин...
Ты так хотела сына,
Чтобы в меня был сын!

Микола УПЕНИК **Золотая криница**

Перевод с украинского В. Потаповой

На Донетчине, блистая,
Звонкая, как птица,
Щебетала золотая,
Чистая криница —
В мирной тишине лесной,
В нашей стороне родной.

Лето к нам пришло с войною,
С грозами походов,
Скрыло небо пеленою,
Помутило воду —
В гулкой тишине лесной,
В скорбной стороне родной.

Вот и осень миновала,
Улетели птицы,
Отзвенела, замолчала
Песенка криницы —
В хмурой тишине лесной,
В пленной стороне родной.

Под глубокими снегами
Тужит Украина,
И нависла над степями
Горькая кручина —
В зимней тишине лесной,
В грустной стороне родной.

Снег растает — и, блистая,
Снова заструится,
Запоет вода живая
В золотой кринице —
В ясной тишине лесной,
В светлой стороне родной.

Мы вернемся из походов,
И на Украине
Подадут нам дети воду
В глиняном кувшине —
В мирной тишине лесной,
В вольной стороне родной.

Самед ВУРГУН
Рейхстаг

Перевод с азербайджанского П. Антокольского

И капитан воскликнул: — Вот рейхстаг! —
И я увидел битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень.

Всё в копоти, в извёстке и в пыли...
Без всякой злобы к этой чёрной груди
Я думаю: как точно разнесли
Свою мишень тяжёлые орудья,

Гнездо убийц, садистов и шпииков
Недавно угрожало всей Вселенной.
Ну что же тут прибавить? Вот каков
Конец у всей империи растленной.

Здесь Гитлер хвастал, пыжась и кичась,
Что целый мир ему под ноги ляжет.
Нет Гитлера! Молчит о нём сейчас
Фугасами распаханная пажить.

Избавлена Европа от змеи.
Спасли весь мир советские солдаты.
В сырой земле товарищи мои.
В сердцах живущих — память славной даты.

Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.
Пускай придут иные времена,
Ваш подвиг будет жить, не умирая.

Вот он стоит, разрушенный рейхстаг,
Проломы, бреши, битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень...

И падают снежинки на рейхстаг,
Ткут саван для железного скелета.
И внятно говорит картина эта:
«Любой завоеватель кончит так!»

Балаш АЗЕРОГЛУ
Клятва красного солдата

В день, когда на просторы
Свободной советской земли
Из германских пределов
Фашистские банды пришли,
И туман за клубился
На наших широких полях,
И схватило морозом
Цветы и бутоны в садах, —
В этот день я в друзья себе
Ненависть грозную взял
И под знаменем красным
Присягу железную дал:
«До тех пор, пока мы
Не раздавим фашистов орду,
Я домой не вернусь,
Я в родную семью не приду.
Я домой возвращусь
В день, когда мы штыком и свинцом
Долг исполним:
Последнего гада убьем.
До тех пор пока он
Не убит моей тяжелой рукой,
Не могу я прийти,
Не могу я вернуться домой!»
...Ночь сменилась восходом.
Тумана развеяна тьма.
Из советских пределов
Ушла снеговая зима.
Наша славная армия
Шагом победным идет,
И фашистские полчища
Тают, как сломанный лед.
Но, отбросив врага
За пределы Отчизны родной,
Я домой не вернулея.
Не мог я вернуться домой.
Я шагаю, шагаю,
Разбитых бандитов гоня:
Европейские узники
Все ожидают меня.
Надо сбить мне затворы
С железных тюремных дверей.
Надо вытереть слезы
Старух и невинных детей.
Я покамест на марше,
Покамест еще я в пути —
Я поклялся, друзья,
Всех фашистов с дороги смести!
Ты не скроешься в норах
От яростной кары, зверье.
Развевается, вьется
Победное знамя мое!
И пока я фашизм

Не прикончу своею рукой, —
Красным флагом клянусь! —
Ни за что не вернусь я домой!

Туменбай БАЙЗАКОВ
Утро мира

Перевод с киргизского Ю. Смышляева

Война окончена!
Пока что проступает
Сквозь марлю кровь последних ран,
А утро мира на границы стран
Уже победно наступает.
Я падаю ничком на майскую траву,
Смеюсь и плачу... Больно и легко мне...
И шепчет мне трава:
«А ты ведь думал, вспомни:
Неужто этот день настанет наяву?»
Да, ждали мы его четыре страшных года,
В нём — гордость и страданья нашего народа,
На облака смотрю и грежу вслух
Средь ароматных разнотравий луга.
Вдруг где-то рядом заорал петух —
Я даже подскочил на месте от испуга.
А вот схвачу тебя за гребень, крикуна!
Но я смеюсь лишь:
— Кукарекай на здоровье! —
Покажется ещё родней родная тишина —
Недаром за неё мы заплатили кровью.
Ты эту тишину, петух, и карауль:
Твой голос всё-таки приятней свиста пуль.
Война окончена!
Пока что проступает
Сквозь марлю кровь последних ран,
А утро мира на границы стран
Уже победно наступает.
Я вслушиваюсь в мир, дыханье затая,
Вон в ближней рожице затукал клювом дятел,
Стучи себе, стучи вовсю, приятель:
Кому не по душе хозяйственность твоя?
Вон звонкие хлопки доносятся оттуда,
Где так нежна,
Ясна
Небес голубизна:
Там вьются голуби — сверкающее чудо,
И снова, как волна:
Окончена война!
Пой, жаворонок,
над земным простором!
Твоё гнездо теперь под танк не попадёт.
Пой, пой о тишине,
о славном дне,
которым
В историю вступает Сорок Пятый год.

Пой, к солнцу устремив ликующий полёт!
Война окончена!
Пока что проступает
Сквозь марлю кровь последних ран,
А утро мира на границы стран
Уже победно наступает.

Мукай ЭЛЕБАЕВ
Письмо на Ала-Тоо

Перевод с киргизского Н. Чуковского

Я сражаюсь теперь вдали
От родимой моей земли,
Где в ущельях горных живет
Благородный, щедрый народ,
Где над озером голубым
Белокрылые гуси парят,
Где вверху, словно алый дым,
Ала-Тоо снега горят.
Да, во славу твоих вершин
Я сражаюсь, твой верный сын.

Я в разлуке не плачу, нет:
Сердцу радостней, веселей —
Если вспомню средь битв, побед
Я веселье минувших дней.

Ала-Тоо, к тебе придем,
Сложим сказки, песни споем.
Пусть живется тебе легко.
Мы, сыны твои, далеко.

Если сердце гневом полно —
Это гнев твоих пенных ручьев,
Если ласкою щедро оно —
Это щедрость твоих пастухов.

Иссык-Куль поджидает меня,
Волны гневно вздымая ввысь,
Ала-Тоо, вершины клоня,
Говорит: «Победи и вернись».
Как он нежно прощался со мной,
Когда я на войну уезжал,
Каждым камнем и каждой сосной
Он с улыбкой меня провожал.
Ласку гор, и ущелий, и рек
Я, как сын, не забуду вовек.

Все свершится, что грезится мне.
Уничтожу в сраженьях врага.
Я увижу, как по спине
Ала-Тоо стекают снега.
Сяду я на речной пароход

И отправлюсь в родные края,
И любимая встретит придет,
И навстречу мне выйдут друзья,
И за озером, за горой,
Небо ясною вспыхнет зарей.

Григор АКОПЯН
Предчувствие

Паду однажды на полях войны,
Объяв чужую даль прощальным взглядом
И никого с родимой стороны
Не будет в этот миг со мною рядом.
Лишь, может, ветры тучку
принесут
С армянских гор или с долины
милой.
По-матерински скорбную слезу
Она уронит над моей могилой.
Да птица светлой радости моей,
Моею окрыленная мечтою,
В родном Егварде посреди полей,
Мать утешая, будет петь весною.

Геворг ЭМИН
Мисаку Манушяну

Перевод с армянского Г. Оболдуева

*Поэту — командиру интернациональных бригад
Парижского района, расстрелянному фашистами в 1943 году*

Мы под одним и тем же небом синим
С тобою, брат мой, были рождены.
Мне говорила мать: «Брат — на чужбине,
Бежал от распрей из родной страны.
Возмездием мечты его полны,
И жаждой возвращенья сердце бьется.
Живет дыханьем нашей новизны
И завтра из далеких мест вернется».

Ты помнил камни древнего Звартноца,
Поэтом нашим стал в краях чужих.
Потом, когда пришла пора бороться
За родину, на меч сменил свой стих.
Ты был поэтом за десятерых,
Невзгод жестоких не страшился груза,
Средь битв твой голос для того затих,
Чтоб впредь армянская гремела муза.

Легка герою бранная обуза:
Ты на врага бесстрашно вышел в бой.
И наконец-то дождалась союза

Из Керчи пуля, пущенная мной,
С парижской бомбой, брошенной тобой,
И громыхали стародавней местию,
В немецкий край с проклятою судьбой
Неся единому врагу возмездье.

Тебя манили родины созвездья,—
Чужбины дождь на труп твой моросит...
Вернулись те, кто был в изгнание вместе
С тобой: их взор твоей тоской повит.
Изгнанник, ты чужой землей покрыт,
И над тобой цветут чужие травы...
Твое надгробье — вечной славы щит,
А сам ты ныне страж армянской славы.

Рачия ОВАНЕСЯН
Баллада о матери

Перевод с армянского Н. Алибеговой

Матери Хачика, Гургена и Абрама Малхасян посвящаю

У матери их трое было,
И всех троих она любила.
Настали дни войны...
Пошли на бой с врагом три сына,
Три смелых, рослых исполина,
Отечеству верны...

В атаках грозных наступали.
В атаках грозных трое пали
За родину свою.
Далеко, на земле немилой,
На сопках скорбные могилы —
Сыны легли в бою...

А дома под тутою спелой
Ягненок с шерсткой белой-белой
Копытцами стучал.
В саду, в тени кустов азалий,
Три внука у воды играли
И строили канал...

Заря победы расцветала.
И каждый угол озаряла
Лучей ее игра.
Всю ночь по дому мать бродила,
Слезами письма мать кропила
До самого утра...

Со смертью в непрерывном споре
Жизнь победила. В сердце горе
Затихло кое-как...
Не угасая и в метели,

Три факела ее горели,
Рассеивая мрак.

Дышала грудь ее порою,
Как поле, взрытое войною,—
Все глуше, тяжелей...
Но, пробудясь от бликов света,
Похоронила горе где-то
Под зеленью полей.

Дымок над крышей мирно вьется,
Играет в зеркале луч солнца,
Блестит в траве роса.
В ребячьих голосах звенящих
Погибших сыновей все чаще
Мать слышит голоса.

И льется речь ее в эфире —
Мать миру говорит о мире,
Слова светло звучат.
Прославили ее газеты,
Печатают ее портреты,
Ее... и трех внучат.

Ей надо высадить рассаду.
Разжечь в печи огонь ей надо,
Всегда полна забот,—
Мать выступает против смерти,
Мать прославляет жизнь на свете,
Бессмертная — живет.

Ираклий АБАШИДЗЕ
Поэтам Грузии

Перевод с грузинского Э. Ананиашвили

Родина наша, любимая мать!
В сердце твои заливаются струны.
Солнце твое и твоя благодать
Нас наполняют силою юной.

Грудью вскормила ты нас, берегла,
Вывела в люди, на труд вдохновила,
Жизненный путь найти помогла,
Голос ломавшийся благословила.

Родина, наш неприступный дом,
Стойко не раз отражавший ненастье!
Запертый накрепко перед врагом,
А перед другом распахнутый настежь!

Весь наш необозримый простор,
Плеч богатырских натиск могучий,
Мысли глубокой искристый костер,
Красок сверканье и сладость созвучий.

Вздыбились, встали, идут на врага,
Гнев народный, как шторм нарастая,
Скалы дробит, затопил берега
И настигает хищную стаю.

Братских призывов разносится гул,
Степи зовут, отвечают вершины,
Кличет из Казахстана Джамбул,
Слышен из Киева голос Тычины.

Янки Купалы грохочет строка,
Юношеским огнем полыхает.
Вижу — поэт провожает войска,
Руки с надеждою вслед простирает.

Братья, отчизны моей голоса,
Сердцу родные братья — поэты!
Меч наш, врагу слепивший глаза,
В битвах отточенный, в песнях воспетый!

Да, одарила нас родина-мать
Счастьем свободы и щедрой любовью!
Но и булат за нее поднимать
Нам, грузинским поэтам, не внове.

Пусть же коварству жестокой орды
Будет возмездьем глухая могила!
Нет, не допустим, чтоб наши сады
Злобная вражья рука разорила.

Бурей испытанные борцы,
Шли мы в бои, не щадили и жизни.
Грузии новой творцы и певцы,
Клятву святую мы дали отчизне.

Грудью величье ее защитим,
Хищников сбросим с земли опаленной,
Слышишь — то брата зовет побратим;
Бьются Советской страны легионы!

Григол АБАШИДЗЕ **Победитель**

Перевод с грузинского В. Звягинцевой

*Грузинскому воину Кантария,
одному из водрузивших наше победное знамя над Рейхстагом*

Шел в ярме огня я, устали не ведая,
Лишь одним дышал я — близкою победою,
Полон упованием единым,
Веря, что заря блеснет над нами
И что вспыхнет солнцем над Берлином
Наше знамя.

Оттого, изранен, был неуязвимым я,
Оттого расстался с нивами родными,
Оттого оставил в шахтах глыбы,
Стол мой с неисписанной бумагой,-
Чтобы свой привет послать смогли бы
Мы со стен рейхстага.

И надежде этой неизменно верил я,
Возле гор Кавказа, у его преддверия,
По пятам преследовал злодея,
Разрушал в лесах его берлоги,
Под жестоким ливнем холодея,-
Не свернул с дороги.

Если оглянусь на путь свой, ныне пройденный,
Не пойму, как спасся, впрямь хранимый родиной,
Сумерками жизнь моя сгущалась,
Я по трупам полз порой ночью,
Даже ветер уставал, казалось,
Поспевать за мною.

Торопились тучи по небу свинцовые,
Но моей надежды был покорен зову я.
Рабья трусость — человека чувство ль?
Голову высоко поднимаю,
Не устал я,- что такое устал?!
Робости — не знаю.

Много исходили мы дорог, товарищи,
Видели в пути мы слезы, кровь, пожарища,
Раненные пулей и гранатой,
В темном поле встретившие мину,
Как виденья, провожали брата
По пути к Берлину.

И летели стоны, воина преследуя:
«Если не вернешься ты домой с победою
И не разгромишь гнездо тирана,
Навсегда запомнишь стоны братьев,
Сердце будет вечно жечь, как рана,
Братское проклятье».
Был я верным сыном, клятвы не нарушил я,
Родины приказы беззаветно слушал я,
Выносил невзгоды и лишенья,
Ледяной бывал покрыт корою,
Чтоб войти в Берлин, на подвиг мщенья,
Грузии героем.

Кто я? Моего никто не знает имени.
Как захочешь, друг мой, так и назови меня.
Не один я, не один,— нас много.
Назови меня ты именами
Всех, кто шел военного дорогой,
Славя наше знамя.

Не меня ли дома ждет моя любимая
И не спит ночами не моя ль родимая?

Тот я, кто придет, как победитель,
Тот, чьей волей слез поток прервется.
И да будет светлою обитель
Тем, кто не вернется.

Амин УМАРИ
Победа не придёт сама

Перевод с узбекского В. Державина

Победа не придет сама, мой друг!
Ее добудешь потом ты и кровью,
Не устрасась трудов, и жертв, и мук,
И дорожа свободой, как любовью!

Победа осушит потоки слез,
Вернет народу дни счастливой жизни,
Победа озарит миллионом звезд
Великий путь, завещанный отчизне.

Победа не придет сама собой,
На поле боя ты ее добудешь.
Ни шагу вспять! Лишь стойкостью стальной,
Терпением каменным ее добудешь!

Пусть каждый отвоеванный тобой
Вершок земли — стеной железной станет!
Пусть каждый твой удар и выстрел твой
Бьет наповал врага иль насмерть ранит!

Когда же вражьих сил падет оплот,—
Твоя над миром слава грянет звонко,
И птица счастья песню запоет
Над колыбелью твоего ребенка.

Победа не придет сама, мой друг!
Кровь проливая, ты ее добудешь.
На пире чести, севши в братский круг,
На сазе петь о ней ты будешь.

УЙГУН
Гранат

Перевод с узбекского С. Сомовой

О наманганской осени подарок —
В далекий край отосланный гранат!
Как шар пунцовый, ты округл и ярок,
И зерна спелые рубинами горят!

К румяной коже прильну щекою,
Губами к сладким зернышкам прижмусь,-
И словно снова милая со мною,
И словно уст девических коснусь...

О полная рубинами шкатулка,
Благословен твой цвет и аромат!
Но вот разрезана лоснящаяся шкурка —
Два полушария передо мной лежат.

Переливаются в сиянии заката
Мои сокровища, сверкая новизной.
И в миг один — не зернышки граната,
А зеркальца лежат передо мной.

На фронтовом угрюмом перекрестке,
Средь рокотанья грозного сию,
В чудесный свет, в причудливые блески —
В гранатовое зеркальце гляжу.

Я вижу яблонь пышное цветенье
И капли роз в сиянии луны,
Розовоцветных лепестков круженье
Над ручейками милой Ферганы,

Я вижу след свой возле скал прибрежных,
У золотистых крымских берегов,
Памира горы в ризах белоснежных
В предвечном сне нетающих снегов.

Тайгу Сибири и Аму разливы —
Кипенье рыжей илистой воды;
Рубиновые вижу переливы
Кремлевской несгорающей звезды!

Вот что стояло в зеркале граната,
В причудливом сверкании зерна...
Я ухожу. Ждет извергов расплата.
Я ухожу. Меня зовет война!

О мой гранат! Как странны превращенья
В рубиновом сокровище твоём,—
Ты стал звездою гнева и отмщенья,
Врагов испепеляющим огнём.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ **Сын твой приезжает**

Перевод с таджикского М. Замаховской

К тебе в боях стремился я, открой объятья мне, мой край.
Ты предков колыбель. Их прах покоишь в тишине, мой край.
Поля, тюльпанные сады,— их видел я во сне, мой край.
Прославленные города мне дороги вдвойне, мой край.
Отчизна, гостя принимай,— сын возвращается к тебе.

Ребенком был тобой взращен,— меня, любя, ласкала ты.
Ребенком бегал по полям,— мне счастье обещала ты.
Ребенком я узнал тебя,— мужчину воспитала ты.

Ребенком клялся я свершить все то, чего желала ты.
Сын вырос и героем стал, сын возвращается к тебе.

Отвагою в огне войны тебя навек прославил он.
И с жаждой мщения врагу Таджикистан оставил он.
И, верный слову своему, в сраженьях не лукавил он.
На лютых недругов твоих разящий меч направил он.
Отчизны неусыпный страж, сын возвращается к тебе.

Моя любимая, приди,— как день, прекрасна и светла,
К тебе вернулся друг, смотри: вокруг исчезла мгла,— целуй!
Дорога длинная бойца к невесте привела,— целуй!
Ты сына, мать, встречай — его твоя любовь спасла,— целуй!
Исполнив свой священный долг, сын возвращается к тебе!

Боки РАХИМ-ЗАДЕ **Письмо из берлинской чайханы**

Перевод с таджикского С. Липкина

Красная звезда светло зажглась,
На полу лежит цветной палас.

Сюзане, портреты на стене,—
Мы в Берлине, в красной чайхане.

Мы на двух таджиков бросим взгляд,
По-восточному они сидят,

Перед ними чайник, пиалы,—
Не нужны в Берлине им столы!

Вспоминают братьев боевых,
Раненых, убитых и живых,

Говорит об Одере один,
А другой о том, как брал Берлин.

Пьют поспешно свой зеленый чай,
Вспоминают свой таджикский край.

В лица дышит им пахучий пар.
Одному мерещится Гиссар,

А другой, прошедший сто дорог,
Видит явственно родной Хорог...

И Кадыр товарищу сказал:
«Ты, Сабир, письмо бы написал.

Ты любимой бы напомнил вновь
Про свою горячую любовь.

Ну-ка, сочини слова любви,

Образ милой в буквах оживи».

И тогда Сабир достал калам*,
И представилась его глазам

Посреди берлинской чайханы
Девушка родимой стороны.

Показалось: родина сама
Ждет его солдатского письма.

Он такие написал слова:
«Родиной мечта моя жива,

Ты и родина слились в одно,
Я соскучился по вас давно.

Напиши мне, свет моей души,
О Таджикистане напиши,

О его весельях и трудах,
О его ущельях и садах,

О его долинах и горах,
О его стремнинах и ключах,

О его сладчайших родниках,
О его редчайших рудниках,

О его известных ледниках,
О его прелестных цветниках,

О его закатах и утрах,
О его гранатах и кустах,

О козлах и сернах напиши,
О полях безмерных напиши,

О холмах и скатах напиши,
О певцах пернатых напиши,

Ты о белом хлопке напиши,
Все его коробки опиши,

Напиши о Пяндже на заре,
Напиши о вахшском серебре,

О каналах наших дорогих,
О кварталах наших городских.

Милая, с ответом поспеши,
О памирском тракте напиши,

О своем заводе напиши,
О родном народе напиши,

О героях мирного труда...
Поскорей письмо пришли сюда,

Пусть таджикистанскою весной
Веет над берлинской чайханой!»

**Калам — тростниковое перо для письма.*

Теофилес ТЕЛЬВИТЕС
Стужа расписала розами стекло

Перевод с литовского С. Мар

Стужа расписала розами стекло,
Песнями солдата встретило село.

«Перешел ты горы, степи и мосты,
Неужели смерти не боишься ты?»

Вечером январским небо, как свинец.
«Смерть в бою прекрасна,— говорит боец,—

Что бы я ни встретил на своем пути,
Должен до берлоги вражеской дойти.

А когда разрушу логово врага,
Я вернусь, разлука будет недолга!»

«Разговор твой, милый, честен и хорош.
Только что ты скажешь, если не придешь?»

«Если не вернусь я — жребий мой суров,
Но друзья вернутся, победив врагов!»

«Иль не жалко жизни? Люди говорят,
Девушка за Волгой ждет тебя, солдат!»

«Что ж, любовь, как видно, подождать должна,
У бойца невеста — родина одна».

Вацис РЕЙМЕРИС
Рассказ воина

Перевод с литовского И. Сельвинского

Мы шли и шли в атаки неустанно.
Берлин пылал. Дымился каждый дом.
А май свечами украшал каштаны
В разрытом парке, где катился гром.

Шел жаркий бой за каждый дом и выступ.
Валились башни в сломанных крестах.
Как жаждали мы ринуться на приступ,
Пробиться к центру, где горит рейхстаг!

И вот он перед нами. Рев орудий...
За боем бой... За дымом снова дым...
Мы лишь тогда вздохнули полной грудью,
Когда наш флаг увидели над ним.

И тут-то мы слышали безмолвье.
Голубизна проглянула из мглы...
Мы увидали, что ресницы, брови
У нас, как от муки, белым-белы!

Пыль от летящей наземь штукатурки
Белесыми туманами плыла.
Посасывая пыльные окурки,
Глядели мы в слепую муть стекла.

А в стеклах — дым клубящийся и пламя,
И, пробегая от окна к окну,
Я в зале под имперскими орлами
Отряхивал со смехом седину.

Да и не я один тогда смеялся:
Смешны седины в девятнадцать лет.
Я тряс кудрями... Все-таки остался
На них седой, неизгладимый след.

И я, чего-то все не понимая,
Взглянул в окно — а там весенний зной!
Каштан в цвету! И понял я, что в мае
Обоих нас покрыло сединой.

Абдильда ТАЖИБАЕВ **Великан**

Перевод с казахского С. Маршака

Мы вспоминаем, Бауржан,
Степной и горный Казахстан,
Где я и ты
До темноты
Носились вихрем по траве
И пели песни,
Я и ты —
Два жаворонка в синеве.

Мы вспоминаем, как стрелой
Ворон мы били на лету,
Когда они в полдневный зной
Взлетали сонно в высоту.

Встречала ранняя заря
Обоих нас в степи родной.
Мы были два богатыря
Одной земли, семьи одной.

Жила недалеко от нас
Старушка. Сидя на ковре,
Она плела старинный сказ
О войне-богатыре.

Любил он смельчаков детей.
Он их спасал из вод речных,
Он вырывал их из когтей
Лохматых коршунов степных.

Мы жадно слушали рассказ
О великане дальних стран.
Его искали мы не раз
И звали: «Где ты, великан?..»

На запад ехал я весной
Через болото, через лес,
И тот же коршун, но стальной,
Спустился на меня с небес.

Его послал враждебный стан
Не подпускать к тебе гостей,
Мой Бауржан, мой великан,
Мечом спасающий детей.

Не испугались мы его,—
Нам с детства был неведом страх.
К землянке друга моего
Пришел я с песней на устах.

С тебя мы не сводили глаз:
Ты возмужал, да и подрос.
Теперь стоял ты среди нас,
Как рослый дуб среди берез.

С тобой мы крепко обнялись
Перед землянкой, старый друг,
Снаряды подле нас рвались,
И пули щелкали вокруг.

Мы детство вспомнили с тобой,
Степной и горный Казахстан...
И, попрощавшись, в смертный бой
Ты вновь ушел, мой великан!

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Безымянная высота

(Хроника)

Памяти Курбана Бадельбаева

...От полка осталось 32 штыка —
шли из окружения от самого Бреста.
Всего-то начальства — писарь полка,

последняя позиция — холм безымянный,
что стал для альпийских стрелков Эверестом.

Взрывом гранаты мне порубило глаза;
командир наш, писарь полка Соломин,
снял с себя мокрый бинт, завязал мне глаза
и сипло сказал: «Посмотрим,
нас еще двое,

мы им дадим рукопашную,
меня узнаешь по голосу,
остальные — не наши...»
Я бежал рядом с Соломиным,
упираясь штыком в темноту.

Спотыкался и падал,
вставал,
воздух прикладом круша.
У ног моих бился, хрипел, умирал Соломин,
они гоготали, меня окружа.
Не знал я, что гибнуть придется
в таких условиях...

Сержант Соломин вел боевой дневник:

«Выйдем к своим,— говорил,—
для отчетности пригодится».

Кто дезертировал,
Кто геройство в боях проявил,
кто где похоронен —
все ему вел учет полковой писарь Соломин.
Когда на кордоне лесном
погиб пулеметчик Корнилов
и не осталось больше в полку коммунистов,
писарь Соломин, раненым горлом сипя,
клялся со всеми и, нарушая устав,
принял в партию

весь наличный состав
полка. В том числе и себя.

Все заявления, сколотые ржавой булавкой
сохранились в сыром планшете:

«Я, рядовой Семенов Петр Ильич, из Саратова улица Кровельная, 17, имею четыре класса образования, грамотный. Соцпроисхождение — бондарь. Прошу считать членом ВКП(б). Имею жену Марию и пятерых деток. Машенька, если что — возвращайся к отцу в деревню...»

И приписано рукой Соломина: «Пал коммунистом за Родину у моста через реку Серень 20 августа 1941 г. Достоин ордена Красной Звезды».

«Я, рядовой Садыков Хамит, из аила № 5 около города Ош, неграмотный по-русски и по-киргизски. Соцпроисхождение — трудовой пастух. Имею мать и отца, убитых басмачами. Тяжело ранен в бою за Родину. Умирая, прошу принять в партию ВКП(б), записано с моих слов сержантом Соломиным». Вместо подписи — кровавый отпечаток пальца.

И ниже — тем же округлым писарским почерком: «Принял смерть коммунистом на высоте 230 у деревни Голенькой 25 августа 1941 г. Достоин ордена Красной Звезды».

Через тридцать лет
пионеры отрывают планшет,

документам размытым поверят райкомы
и военкомы.
Всех, кого принял в партию,
кого представил к награде
сержант Соломин,— примут и наградят
посмертно.
Высота 230 на старенькой карте-трехверстке
обозначена цилиндрическими
неправильными овалами
будто рисунок папиллярных линий.
Высоты, которые мы держали,
похожи на кровавые отпечатки
солдатских пальцев!..
Безымянная высота.
Почему безымянная?
Тридцать отдали ей навсегда свои имена.
Четыре Ивана, три Петра, два Ахмета
Хамит и Саша,
Кирилл, Владимир, Исаак
и маленький санинструктор Агаша...

Абу САРСЕНБАЕВ **Перевал Шипка**

Перевод с казахского В. Гордиенко

Здесь дорога, словно змея,
Извивается между скал,
Через облачные края
Выползая на перевал.

И, забравшись на высоту
Непомерно крутых Балкан,
Стынет памятник на посту,
Будто сказочный великан.

Острроверхой башней своей
Подпирает он небосвод,
Солнце щедрый поток лучей
На него неустанно льет.

Если с этих гранитных круч
Бросить вниз просветленный взор,
То увидишь в проеме туч
Беспредельно большой простор,

И к нему через валуны,
Через рваные облака,
Брызжа яркой слюной волны,
Мчится бешеная река.

На утесе зоркий орел,
Синева поднебесный друг,
Крылья мощные распростер

И глаза устремил на юг.

Долетает клекот с небес,
Ходит гул среди стройных скал,
Будто в снежной бурке воскрес
Виды видевший генерал.

Что на полдень, орел, глядишь?
Что ты видишь, крылатый, там?
В том ущелье, где мрак и тишь,
Златоглавый высится храм.

Это слава русских солдат,
Это прадедов наших стан...
Как они много лет назад,
Мы проходим гряды Балкан.

Завели батареи спор,
Их раскаты кругом слышны.
И качнулись ущелья гор,
Вторя эхом грому войны.

А дорога вьется змеей,
По опасным ползет местам,
Старый памятник боевой
Предвещает победу нам.

Юхан СЮТИСТЕ **Приду тогда**

Перевод с эстонского В. Азарова

Миг единый я хотел бы молча,
родина моя, побыть с тобой.
Землю сотрясает грохот полчищ,
зарева горят во тьме ночной.

Нас железным градом век стегает,
дан урок, жесток безмерно он.
Мы еще всего не постигаем,
и от глаз мы отгоняем сон.

Трижды через нас переступила
грозная, смертельная война,
но когтями в недруга вцепилась
сила, что родной земле верна.

Мы узнали: гибелью отмечен
день растущей жизни молодой.
Я хочу, чтоб песнь тебе навстречу
встала, победивший край родной.

Я приду, когда уйдет молчанье,
боль покинет сердце навсегда,

горе угнетать людей не станет,—
к вам, мои друзья, приду тогда.

Юхан СМУУЛ
Не таким я уходил когда-то...

Перевод с эстонского А. Андреева

Не таким уходил я когда-то
на войну от родных островов.
Только помнится пламя заката
и тяжелые всплески валов.

Слово родины — матери слово,
воля родины — воля отца.
Третий год испытаний суровых
я с друзьями делю до конца.

Каждый день мне врезается в память.
По-другому весь мир узнаю.
Опалившее родину пламя
опалило и душу мою.

Я горю и никак не сгораю,
и пути мои только вперед.
Сердце помнит обиды, и знает,
и дорогой возмездья ведет.
Только молодость так ненавидит.
Зов твой, родина, слышится нам,—
за недолю твою, за обиды
нам фашисты заплатят сполна.

Нет другой мне дороги по свету,
и желанья не знаю сильней —
жить по ленинским верным заветам
для великой отчизны моей.

Ян СУДРАБКАЛН
Русскому народу

Перевод с латышского Б. Пастернака

Насколько обнимает глаз пространство
И может повернуться голова,
Разросся вширь могучий дуб славянства,
Живых ветвей поднявши кузова.

Чудесными сказаньями вспоенный,
Как влагою волшебного ключа,
Он достает рукой до небосклона,
За землю взявшись хваткой силача.

Неотразимы русские заветы.
К их заразительности не глуха
Ни гордая отзывчивость поэта,

Ни робкая оглядка пастуха.

Во всех величье русского народа
Рождает восхищенье и любовь.
О русский край, за каждую невзгодой
Ты возрождался к счастью вновь и вновь.

Народ России, в кузнице страданий
Ты выковал против тиранов меч,
Ты освятил его на поле брани.
Стон рабства замер после этих сеч.

О чем тысячелетьями мечтали,
То оправдалось в желуде твоём.
В его ростке те сказочные дали,
К которым Ленин вечно был влеком.

Весь шар земной терзают немцев зубы,
Пусть бешен волк, да ловчий сам не плох.
Ты мужественно встал на душегуба
И разметешь его вонючий лог.

Когда сотрется всякий след неволи,—
Все обновится с крыш до половиц,
С ладоней воинов сойдут мозоли,
И станет бранным имя кровопийц.

Пожертвовавши кровью драгоценной,
Которой капли наземь пролились,
В огне зари ты входишь в стан военный,
Над ним ликует жаворонков высь.

Вокруг тебя в одежде заповедной
Племен Союза тесная семья.
Ты и других ждешь в гости в день победный,
Всем странам праздник — щедрота твоя.

Где слово русское, там переходы,
Там мощь и тонкость, там простор и пыл.
Там утренние проблески свободы,
Которой Пушкин песни посвятил.

Народ России, точно пчелы в улей,
Теснятся все к тебе в опасный час.
К тебе и раньше вольнолюбцы льнули.
Крылатый змей не одолеет нас.

Настанет день, вздохнет вершина дуба
И в память павших снова будет впредь
С вольнолюбивой силою сугубой
Глядеться в даль, шуметь и зеленеть.

Фрицис РОКПЕЛНИС
Три друга

Солдатской дружбе нет преград,
Ей не страшны огонь и рвы.
Я помню дружбу трех ребят
Из Минска, Риги и Москвы.

Когда за лес ушла заря,
Во мгле вечерней на траве
Друзья лежали, говоря
О Минске, Риге и Москве.

Когда ж погасли свечи звезд,
В предутреннюю синеву
Друзья поднялись в полный рост
За Минск, за Ригу, за Москву.

И отступила ночи мгла
Под грозный клекот штыковой,
И ясная заря взошла
Над Минском, Ригой и Москвой.

Кара СЕЙТЛИЕВ На берегу Пола-реки

Перевод с туркменского Ю. Олеша

По берегу реки мы шли
На край передний. Мы смотрели
То на синеющие ели,
То на огонь войны вдали.
По берегу реки мы шли...

Река была во льду. В огне
Был вражий берег. Хмуря брови,
Ты показал, товарищ, мне
На пятна выцветшие крови,
Когда мы шли с тобой по льду.

Ты указал мне на могилу,
Сказав: лежат два брата в ней,
Два сына родины своей,
Что отдали ей дух и силу.
Ты указал мне на могилу.

Один был младший лейтенант,
Он патриот был, благородный
России сын. Другой — сержант,
Дитя Туркмении свободной.
Одна душа была у них.

Во славу родины шли в бой,
За нас в бою погибли вместе.
Взывает эта смерть о мести

К нам, братья! В страшной битве той
Они за нас погибли вместе.

Кто ценит дружбу сердцем чистым,
Кто понимает братства дух,
Тот ненавистных двух фашистов
Пускай убьет! Хотя бы двух!..
Кто понимает братства дух!

Ата НИЯЗОВ **Клянусь**

Перевод с туркменского Н. Манухиной

Чу! Труба поет,—
Встал я сразу в строй,
Чтоб обрушиться
На врага грозой.

Друг, седлай коня,
Обнажай клинок,
Враг неистовый
Чтоб уйти не мог!

На отчизны зов
Отзовись, джигит!
Слава прадедов
Пусть в душе горит!

Выполняй свой долг —
Боевой приказ!
Знай: невесты ждут
Славных дел от нас.

Кровью вражеской
Разогрей клинок,
Чтобы милую
Ты утешить мог.

Не жалея сил,
В битве бурей будь,
Чтобы орденом
Засверкала грудь!

Гей, за родину,
Друг мой, встань скорей!
Знай: навек принес
Я присягу ей.

Ты, подруга, жди:
Я приду, вернусь,
Я навеки твой,
В том тебе клянусь!

Ливиу ДЕЛЯНУ**Песня, написанная на прикладе винтовки**

Теперь, когда артподготовка
Грохочет, словно гром из тучи,
Как брат, клянусь тебе, винтовка,
С тобой я буду неразлучен.

Повсюду, даже в пекле боя,
Где травы пулями прошиты,
Я честно разделю с тобою
Свой каждый час, в огне прожитый.

Прижмусь к прикладу я сутуло,
С тобой в одно готовый слиться,
Чтоб черным ртом стального дула
Плевать на вражеские лица.

Чтоб теплотой живого тела
Могла бы ты в бою согреться,
Чтоб пуля из ствола летела
Одновременно с пульсом сердца.

Пройду с тобой сквозь снег крылатый,
Сквозь дождь, свинцом летящий с неба,
Не пули выльешь из себя ты,
А ненависть людского гнева.

Врага в бою подкарауля,
Мы не промажем, дорогая:
За дом сожженный вот вам — пуля!
За мать убитую — другая!

Так бей, винтовка, дни и ночи,
И награждай врагов гробами.
К тебе за каждый выстрел точный,
Как брат, приникну я губами.

И мы пойдем вдвоем с тобою
Сквозь дым и кровь, сквозь смерть
и беды
Туда, где небо голубое,—
К порогу Счастья и Победы.

А если пули не миную
И рухну, обливаясь кровью,
То и тогда, как мать родную,
Прижму к груди тебя с любовью.

Иосиф БАЛЦАН**Двадцать четвертое августа**

Перевод с молдавского А. Кронгауза

Нас захватил садов и пепла запах,
Когда вошли мы с боем
в Кишинев.
А он сынам указывал на запад
Руками искалеченных домов.

Мы на пороге увидели снова
Родных людей
В неповторимый час.
И на пороге жизни
Вся Молдова
Встречала нас
И провожала нас.

Молдавский виноград созрел
до срока,
До срока в бочках
он перебродил,
Чтоб угостить бойца,
Что шел с востока
И что на запад дальше уходил.

Петря ДАРИЕНКО **ДНЕСТР**

Перевод с молдавского С. Северцева

Слышу, слышу сквозь огонь и взрывы
Плач далекий, голос твой тоскливый,
О мой Днестр любимый!

Горький ветер из родного края
Рвется в грудь, к отмщенью призывая,
О мой Днестр любимый!

Не пестрят луга каймою свежей
Вдоль твоих печальных побережий,
О мой Днестр любимый!

Не мелькают праздничные лодки,
Не смеются поутру молодки,
О мой Днестр любимый!

Кровь детей, казненных палачами,
Льется в серебро твое ручьями,
О мой Днестр любимый!

И, тоскуя, в берег бьется пена,
Где чернеют взорванные стены,
О мой Днестр любимый!

Но послушай дальние раскаты —
Это в битве бьется сердце брата,
О мой Днестр любимый!

Грозное оружие сжимая,
Мы идем, сметая волчью стаю,
О мой Днестр любимый!

Верю твердо: все равно фашистам
Не владеть твоим раздольем чистым.
О мой Днестр любимый!

И красу твою, твои потоки
Иссушить не в силах враг жестокий.
О мой Днестр любимый!

День придет счастливый, долгожданный,
Солнце прочь сорвет с тебя туманы.
О мой Днестр любимый!

И вдоль нашей солнечной Молдовы
Ясной песней ты польешься снова,
О мой Днестр любимый!

[Администратор](#) - 09 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/my-dosli-do-berlina-raskvitalis-s-voinoi>